

ВРАТА ВЕЧНОСТИ: ТАЙНЫ ПАМЯТИ

18+

Орфей Мендесс

Орфей Мендесс

Тайны памяти

<https://litres.ru/74209519>

SelfPub; 2026

Аннотация

Память — это не прошлое. Память — это тот, кто ты есть. Но что, если её стереть? 2999 год. Дворф-физик Дом Саенс просыпается из криосна пустым. Он не помнит собственного открытия — и ужаса, с которым он от него бежал. Теперь Империя Атмоса строит «Несокрушимый» — 80 километров стали и чёрной дыры. И только в старых дневниках, написанных чужим человеком, спит истина.

«Гигантомания — признак тоталитарного государства» — Фридрих фон Хайек, «Дорога к рабству».

Содержание

—	4
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Орфей Мендесс

Тайны памяти

Молодой дворф лет тридцати сидел за письменным столом в кабинете своей квартиры. Стены были отделаны деревянными панелями — конечно, не дерево, а лишь его реплика, но всё же у многих дворфов не было и такого. Кресло поскрипывало под ним, когда он менял позу — старый механизм, давно просивший смазки, но он не замечал этого.

За окном, расположенным у него за спиной, жил своей жизнью «Прозрение» — научный город Сатурна. Сотни огней, гравитационные артерии, мосты, переброшенные между куполами. Здесь обитала вся имперская научная элита. Здесь он когда-то родился. Или был создан. Он всё ещё путал эти понятия.

Дом пролистывал пожелтевшие листы бумаги, которые обнаружил в своём сейфе. Код он, на удивление, не забыл. В отличие от всего остального.

Бумага шуршала под пальцами — сухая, ломкая, с запахом времени. Некоторые страницы крошились по краям, и он переворачивал их с осторожностью, словно работал с уликами. Он вёл себя абсолютно безрассудно, не задумываясь о

риске. Его пробудили всего две недели назад, и за это время он уже успел совершить десяток преступлений, сам того не замечая. Хотя здесь многие вели себя как хотели — единственное, что от них ожидалось, это новые изобретения и открытия. Ему сказали, что он — глава группы физических исследований фундаментальных наук.

То, что он читал, казалось ему чуждым. Голосом другой жизни. Он не верил, что это — его слова.

«Я боюсь. Я боюсь больше всего на свете. Города, „Ока“, своих коллег и главное — ошибок. Ошибка может стоить мне всего».

Дом оторвал взгляд от страницы. Нет, он не узнавал себя в этих строчках.

Да, страх был в каждой строчке дневника. Но это был страх какого-то другого дворфа. Не его.

— Не его, — повторил он вслух, и голос прозвучал глухо в тишине кабинета.

Он продолжал читать, но это всё равно не могло напомнить ему того, что было в той, другой жизни. Он узнал, ради чего трудился и почему его отправили в крио. Как ему сказали — на 168 лет. Сейчас 2999. Уснул он в 2831-м. Но почему? Надо будет спросить у доктора, который пытается пробудить его память. Или у коллег в лаборатории, куда он приходил, но не знал, какие отдавать приказы и какие вообще исследования они сейчас ведут.

На последнем сеансе доктор спрашивал об этих дневни-

ках: «Они будоражат ваше спящее „я“ где-то внутри?» Он не знал, что ответить. «Я» внутри было пусто. Как комната, из которой вынесли всю мебель.

Он протянул руку и взял со стола кружку с горячим напитком. Здесь его пили все. Отвратительное пойло — горячий эль. И без того крепкий напиток разогревали до кипения. Дом сделал глоток, сморщился — горько, обжигающе, с привкусом дрожжей и хмеля, — но послевкусие ему понравилось. Он сделал ещё глоток и поставил кружку на стол, обхватив её ладонями, грея пальцы.

Дом.

Какое интересное у него имя. Мысли ушли в другую сторону, их ничего не сдерживало. Он читал об этом от другого Дома — того, что написал эти дневники полтора века назад и запер их в сейфе. Тот Дом говорил:

«Я могу думать о чём угодно, но каждый год, каждый месяц, каждый день наши соглядатаи всё ближе и ближе к тому, чтобы и наши мысли были у них на ладони».

От этих слов по спине пробежали мурашки.

Но не от страха.

Он знал, что должен испугаться. Знал, что тот, прежний Дом, писал это в холодном поту, оглядываясь через плечо. Но сейчас... сейчас он просто констатировал факт. «Око» слушает. И что? У него нет секретов. Он сам — секрет для самого себя.

Амнезия выжгла его страх. Лучшее средство от сдержи-

вания. Лучшее средство от боли и страданий. Лучшее средство прощения преступлений — это амнезия.

Он перевернул страницу. Там было нацарапано всего несколько строк, размашистым, почти нечитаемым почерком — словно тот, кто писал, торопился или сильно нервничал.

«Сегодня на коллайдере получили данные, которые невозможно объяснить в рамках существующих теорий. Я не сплю третью ночь. Если я прав... если я прав, то всё, что мы знаем о вакууме, — ложь. Я должен рассказать кому-то. Но я боюсь».

Дом провёл пальцем по строчкам, словно пытаюсь ощутить дрожь пера.

— Ты был прав? — спросил он у пустоты. — Или ошибался?

Страница молчала. Но где-то в глубине сознания, в той его части, что ещё помнила язык математики, шевельнулось что-то похожее на узнавание. Формула. Вспышка. И погасла.

Дом поставил кружку на стол — с глухим стуком. Металл о дерево. Поднялся, подошёл к окну, упёрся ладонями в прохладное стекло. Город под ним горел тысячами огней, чистыми, холодными, как сам Сатурн за куполом. Где-то там, в одном из этих зданий, ждала его лаборатория. Исследования. Коллеги. Ответы.

Он смотрел на своё отражение в стекле — и не узнавал его. Тёмные волосы, острые скулы, глаза, в которых не бы-

ло ни капли того страха, что пропитывал каждую страницу дневника.

— Ну что ж, Дом, — сказал он отражению. — Пойдём узнавать, кто ты такой на самом деле.

Он взял кружку, допил эль одним долгим, обжигающим глотком, и вышел из кабинета, оставив дневники раскрытыми на столе. Словно ему было всё равно, кто их увидит. Словно он уже ничего не боялся.

Дом шёл по улицам города. Они уже становились ему знакомыми — по крайней мере, он уже запомнил дорогу до криохранилища, откуда пришёл в первый раз, до его лаборатории, где располагался адронный коллайдер нового поколения, и до госпиталя, где доктор Шам Гор — психиатр и психолог — пытался вернуть его память для служения Империи.

Город дышал. Не в переносном смысле — в прямом. Где-то глубоко под ногами, в недрах купола, гудели системы жизнеобеспечения, и этот гул отдавался в костях, как второе сердцебиение. Воздух здесь был сухим, с металлическим привкусом — так пахнет циркуляция, прошедшая через сотни фильтров. Тысячи раз переработанный, очищенный, стерильный.

Дом не знал, какое будущее его ждёт. Он не знал, зачем ему работать и что больше всего пугало прежнего Дома. Ему было всё равно. Абсолютная пустота поселилась в душе. Не боль, не тоска — просто пустота. Как в комнате, из которой вынесли всю мебель, содрали обои и выключили свет.

Он был одет в свою обычную одежду: белый лабораторный халат, а под ним — красный комбинезон. Уже пройдя половину дороги до лаборатории, он понял, что голоден, и решил зайти в столовую при лаборатории.

— Посмотрим, что там сегодня, — сказал он вслух.

Проходящие мимо дворфы косо посмотрели на него. Взгляды были короткими, но тяжёлыми — как прикосновение холодного металла. Они смотрели и тут же отводили глаза, но осадок оставался. Дом поймал себя на мысли, что именно этих взглядов и боялся тот Дом, который говорил с ним со страниц дневника. «На нас смотрят. Всегда смотрят. Оценивают. Ищут слабость».

Но он не чувствовал страха. Он чувствовал только лёгкое раздражение — как от мухи, которая жужжит над ухом, но садиться не решается.

Он вошёл в обширное арочное помещение столовой. Потолок здесь был высоким, со старыми балками, которые уже никто не красил — тёмный металл, покрытый пятнами времени. Лампы под потолком гудели, отбрасывая жёлтый, усталый свет. Запах еды смешивался с запахом пластика и моющих средств. Столовая пахла жизнью — дешёвой, синтетической, выверенной по калориям, но всё же жизнью.

Дом продолжал прокручивать в голове мысли, они не покидали его. «Мой страх был вызван эмоциями, — думал он, беря поднос и продвигаясь вдоль раздачи. — А у меня... может, эмоций и нет?»

Доктор Шам Гор говорил, что у дворфов нет сомнений. Но означает ли это, что вместе с сомнениями они лишены эмоций? Не обязательно. Может быть, у дворфов тоже нет сомнений — по крайней мере, сомнений в том, что ошибка может привести к смерти.

Ему на тарелку упала сероватая масса — каша Чи. Этим здесь кормили каждый день. Но к ней обязательно что-то ещё. Что же сегодня?

Он прошёл дальше, мимо витрин-холодильников, где выбор был не особенно разнообразен, но всё-таки был. Мясо, рыба, овощи — синтезированные, выращенные в пробирках, лишённые вкуса настоящей жизни. Видимо, это и есть те излишества и изобилие, которое положено «элите». Но Дому всё равно казалось, что этот корм существует лишь затем, чтобы поддерживать жизнь в этих жалких существах. Корм. Не еда. Топливо.

— Котлету из белковых водорослей, — сказал он повару. — И салат.

Повар — пожилой дворф с седыми усами и усталым взглядом — молча положил котлету на вторую тарелку, добавил горку салата — бледно-зелёной синтетической пародии на овощи. Дом водрузил тарелку на свой поднос. Вместе со второй тарелкой ему дали большую, полную горячего эля кружку. Он поставил и её на поднос и направился к дальнему столу — подальше от входа, подальше от всех.

В столовой было почти пусто. Сотрудники лаборатории не

были обязаны есть по графику — известно, что они могли увлечься работой и банально забыть о еде, поэтому столовая работала круглосуточно. Где-то в углу сидел одинокий техник, уткнувшись в планшет. Два молодых дворфа у окна о чём-то перешёптывались. И больше никого.

Дом сел за стол, поставил поднос, взял ложку.

И в этот момент в столовую вошёл один из его подчинённых.

Дворф, чьего имени Дом никак не мог запомнить. Среднего роста, с бледным лицом и вечно полуоткрытым ртом — словно он постоянно хотел что-то сказать, но боялся. В руках он нёс поднос с такой же кашей и такой же кружкой эля. Увидев Дома, он на мгновение замер, а потом, словно приняв решение, направился к его столу.

«Только бы он не сел рядом, — подумал Дом. — Только бы он предпочёл одиночество».

Но его упования на предпочтения коллеги провалились.

— Здравствуйте, Дом, — сказал дворф, накалывая какие-то безобразные листья из своего салата. Голос его звучал робко, почти заискивающе.

— Здравствуй, — ответил Дом. Голос его звучал ровно, без единой ноты интереса.

— Приятного вам аппетита.

— Благодарю.

Дом отпил эля. Горький, горячий, обжигающий нёбо. Он смотрел в свою тарелку и чувствовал, как напряжение за сто-

лом растёт. Дворф рядом с ним ел, но каждое движение его ложки было нервным, неуверенным.

«Если он снова заговорит со мной, я не буду знать, что ему ответить. Он скорее всего спросит о том, какой у меня план исследований, что я буду делать дальше. Он, да и все остальные, без конца спрашивали меня об этом, когда я приходил в лабораторию. Я просто дам им задание — снова запустить коллайдер со случайными параметрами. Пока это работает. Пока я не вспомню хотя бы что-то, я буду делать это из раза в раз. Вдруг мы всё же встретим что-то новое».

— Я хотел спросить... — дворф замялся, прожевал, сглотнул. Кадык его дёрнулся. — Какой план на эту неделю?

«Как же это предсказуемо, — подумал Дом. — Как предсказуемо. Как такой посредственный ум прошёл отбор и был принят на работу? Как же его зовут? Он настолько глуп и бесполезен, что мой ум не посчитал важным запомнить его имя».

— Просто запустите очередной «ран», — сказал Дом вслух. Голос его был безразличным, почти скучающим. — Посмотрим, что он нам даст сейчас.

Он сделал несколько глубоких глотков эля. На его тарелке почти ничего не осталось — он старался поесть как можно быстрее, чтобы скорее уйти. Но в конце, уже поднимаясь, добавил:

— Я пока изучаю свои старые наработки по чёрным дырам. Передай всем: пусть закажут поставку новых магнитов.

Дворф оживился. Впервые за весь разговор он поднял глаза и посмотрел на Дома прямо.

— Какие? — спросил он, и в голосе его мелькнула надежда — наконец-то начальник сказал что-то конкретное.

— Слушай, я говорю! — рывкнул Дом, и его голос прозвучал резко, как пощёчина. — Магниты для плазменных рельсотронов имперских судов на основе оксида иттрий-бария-меди. Мы должны усилить мощность магнитов до 25–30 тесла.

Дворф побледнел. Лицо его вытянулось, глаза округлились.

— Как... как мы будем просить магниты для рельсотронов?

— Это проблема? — Дом наклонил голову, глядя на него сверху вниз. — Разве Король не даст их нам? По-моему, он заинтересован в наших исследованиях.

— Да, но... — дворф залепетал, пальцы его теребили край стола. — Дом, это очень дорогая вещь. Нам вряд ли удастся получить их в ближайшие месяцы...

— Ну не удастся в ближайшие — удастся через полгода. Через год. — Дом пожал плечами. — Они нам нужны.

— Я постараюсь, конечно... — Голос дворфа угас. Он сильно помрачнел и даже перестал есть, уставившись в свою тарелку.

Дом смотрел на него изучающим взглядом. Минута прошла в тишине. А потом дворф резко схватил свою кружку и

осушил её залпом — одним долгим, жадным глотком, словно набирался храбрости. Поставил кружку на стол, выдохнул, и в его глазах мелькнула искра — не прежняя робость, а что-то новое.

— Я достану их! — сказал он, и голос его прозвучал твёрже. — Всё ради науки!

— Вот и молодец, — кивнул Дом.

Он встал, взял свой поднос. Посмотрел на свою кружку — почти полную, эль остывал, покрывшись тонкой плёнкой. Он пододвинул её дворфу.

— На, тебе нужнее.

Дворф открыл рот, чтобы что-то сказать, но Дом уже отвернулся. Он подошёл к стойке повара, поставил поднос, повернулся и вышел из столовой.

Снаружи воздух снова ударил сухостью и холодом. Дом остановился, поднял голову вверх. Там, за прозрачным бронестеклом купола, клубились тусклые, вечные тучи Сатурна — плотные, ядовитые, полные метана и аммиака. А между ними, невидимой сетью, пульсировал защитный силовой купол, удерживающий давление, холод и смерть снаружи.

И только сейчас он вновь ощутил то, что испытывал прежде всю жизнь, не замечая этого — вибрацию гравитационных якорей. Она шла из-под ног, из стен, из самого воздуха. Низкая, гудящая нота, на которой был построен весь город. Она проникала в кровь, в кости, в мысли.

Дом глубоко вздохнул. Воздух пах озоном и металлом.

— Ну что ж, — сказал он себе под нос. — Посмотрим, что ты на самом деле открыл, Дом Рин 16/2.

Воздух Прозрения пах озоном и перегретым металлом — привычный букет, который Дом перестал замечать ещё неделю назад. Но сегодня он вслушивался в шаги. Свои. Чужие. Ритм подошв по полимер-бетону — какофония без единой фальшивой ноты, если знать, как слушать.

Он остановился на перекрёстке, пропуская поток дворов. Серые комбинезоны, одинаковые лица, опущенные глаза. Дом проводил их взглядом — и увидел не людей. Шестерни. Звенья одной цепи. Каждый движется по кратчайшей траектории от точки А к точке Б, и если убрать одного, система перестроится, заполнит пустоту другим дворфом, другой шестернёй, другим винтиком.

Империя не терпит пустоты.

Он сам — винтик. Просто более дорогой. С допуском к ресурсам, которые эти серые комбинезоны не увидят никогда. Но винтик.

Мысль не вызвала отторжения. Она легла ровно, как рельса в шпалу. Система эффективна. Система работает. А он, Дом Саенс, — её сбой. Винтик, который забыл, для чего он нужен, но продолжает вращаться по инерции.

Гениальность. Осталась ли она?

Он поднял голову и начал считать.

Расстояние между корпусами госпиталя и лаборатории — три раза по числу пи. Тысяча метров помноженная на 3,1416.

Он не мерил шагами — он знал. Здание жилого комплекса было наклонено ровно на семнадцать градусов относительно оси запад-восток — оптимальный угол для естественного освещения при данной высоте солнца над куполом. Дом увидел это и понял, что видит, — и внутри кольнуло холодное, чистое удовлетворение.

Никуда не делась.

Он перевёл взгляд на поток дворфов и просчитал скорость каждого. Средняя — 4,2 километра в час. Погрешность — не более трёх процентов. Они идут синхронно, даже не осознавая этого. Империя выстроила город так, чтобы время перехода между зонами равнялось времени переключения между режимами сознания. Жильё — три километра от лаборатории. Ровно десять минут. Десять минут, чтобы дворф перестал быть мужем, отцом, соседом — и стал учёным, винтиком, функцией.

Десять минут на перепрошивку.

Дом хмыкнул. Звук вышел сухим, безэмоциональным. Он снова посмотрел на прохожих — и вместо лиц увидел графики эффективности. У этого — износ суставов 12%, через три года замена. У той — концентрация внимания снижена, вероятно, недосып, нужна корректировка режима. Вон тот идёт слишком быстро — или опаздывает, или избегает кого-то за спиной.

Дом знал это. Видел. Считал.

Гениальность — это умение видеть систему. Даже там, где

другие видят людей.

Он двинулся дальше, и шаги его стали ровнее. Пустота внутри не заполнилась, но обрела форму. Чистую. Логичную. Холодную.

—

Кабинет доктора Шам Гора пах антисептиком и старыми бумагами — странный анахронизм в мире голоэкранов и нейроинтерфейсов, но Гор, кажется, культивировал эту деталь намеренно. Как элемент доверия. «Настоящий кабинет, настоящий доктор, настоящая забота».

Дом вошёл без стука. Гор поднял голову — круглолицый, с бакенбардами, которые носили лет сто назад и которые дворф отрастил, видимо, из любви к архаике. Его пальцы танцевали над голоэкраном, выводя вязкую зелень данных.

— Дом Саенс. Вы пунктуальны. — Гор улыбнулся, но глаза остались холодными. Оценщиками. — Располагайтесь.

Дом сел в кресло. Оно было мягче, чем в столовой, и это показалось неправильным — мягкость здесь, в месте, где должны сдирать корку с памяти, казалась насмешкой.

— Я запросил магниты на двадцать пять тесла, — сказал Дом, пока Гор возился с кольцом нейроинтерфейса. — Оксид иттрий-бария-меди. Плазменные рельсотроны.

— Я в курсе ваших... хобби, — не оборачиваясь, ответил Гор. — Мне приходит отчёт о каждом вашем запросе.

— Это не хобби. Это дело. Я просто не помню, какие.

Гор обернулся. В руках он держал кольцо — тонкое, се-

ребристое, с едва заметной голубизной в сплаве.

— Вы знаете, что это за кольцо? — спросил он, подходя ближе.

— Считыватель. Наводит резонанс с гиппокампом. Синхронизирует нейронные кластеры и выдаёт карту памяти с привязкой к эмоциональному фону.

Гор замер. Брови поползли вверх.

— Я подготовил речь для пациентов. Обычно это помогает снизить тревогу. Но вы...

— Я не тревожусь, доктор.

— Вижу. — Гор помолчал, разглядывая Дома с новым интересом. — Тогда объясните мне, Дом. Чего вы хотите?

— Воспоминаний.

— Только воспоминаний?

Дом встретил его взгляд. В кабинете повисла пауза — тягучая, как сироп.

— Я понял одну вещь, — сказал Дом. — Те воспоминания дадут цель моей жизни. Я не хочу восстанавливать прежнюю личность. Она была слабой. Жалкой. Тряслась от страха при каждом неровном взгляде, слове, мысли. — Он говорил спокойно, ровно, словно цитировал технический отчёт. — Моя прежняя личность мне глубоко противна. Такой Дом Империи не нужен. Он — функция. Он не способен сделать что-то новое. Он мусор.

Гор молчал. Его пальцы застыли над кольцом.

— Мне нужны лишь его воспоминания, — закончил Дом.

— И не больше.

— Как... интересно.

Гор оторвался от кольца и посмотрел на Дома так, как смотрит археолог на редкую находку — смесь жадности и научного восторга.

— Я занимаюсь восстановлением памяти при синдроме «ста и более лет сна» уже семьдесят лет. — Голос Гора дрогнул на слове «семьдесят». — Это изученный феномен. У меня сотни протоколов, десятки успешных кейсов. Но я никогда — повторяю, ****никогда**** — не встречал дворфа, который не хотел бы вернуть свою прежнюю личность.

Он сделал шаг ближе. Глаза его блеснули.

— Вы — нулевой пациент, Дом. Я напишу диссертацию о вас. Меня поднимут в ранге. Вы понимаете?

— Делайте что вашей душе угодно, доктор. — Дом откинулся в кресле, чувствуя, как мягкая спина принимает вес его тела. — Верните мне воспоминания. Там скрывается моя цель.

— Да. Да, конечно. — Гор надел кольцо на голову Дома. Металл лег на виски холодно, почти невесомо. — Мы сделаем это.

Кольцо засветилось.

Дом выдохнул.

И провалился.

—

Он падал. Нет — его поднимали. Вверх, сквозь слои серо-

го тумана, сквозь звуки, которых не было, сквозь запахи, которые он не мог опознать. Где-то далеко пульсировала вибрация гравитационных якорей — но она тоже угасала, вытесняемая иным ритмом.

Ритмом чужого сердца.

Сердца того, кто жил внутри него до того, как Дом стал пустым.

Прежний Дом приближался.

Кабинет был тем же. Стол — та же реплика дерева, те же панели на стенах, тот же тусклый свет голопанелей. Но Дом, сидевший за этим столом, был другим.

Не другим — чужим.

Дом Рин 16/2 — так значилось в старом пропуске, который Дом Саенс нашёл в сейфе и теперь держал в руках, разглядывая выцветшую голограмму. Лицо на пропуске было его — и не его. Те же скулы, та же линия челюсти, но глаза... глаза смотрели иначе. Затравленно.

«Как олень перед живодёрней»

Флешбек втянул его без предупреждения. Просто — запахнулось пространство, и Дом Саенс оказался здесь. В теле, которое помнило страх. Которое дрожало.

Дом Рин 16/2 сидел за столом, сгорбившись, и его пальцы — нервные, с обкусанными ногтями — бегали по голоэкрану. Перед ним плыли столбцы цифр, графики тензорных полей, схемы вращающихся сингулярностей.

Чёрные дыры. Керровские. Вращающиеся.

Он работал над этим уже три года. Три года — с тех пор, как «Книжные воры» передали ему выкраденное.

— Вы уверены, что это то, что надо? — спросил тогда связной. Худой дворф в сером, без знаков различия, без имени, без лица. Он появился в кабинете Дома вечером, прошёл сквозь системы охраны так же легко, как нож проходит сквозь масло. — Там, в архивах Ордена, говорят, эти расчёты — ересь.

— Ересь? — Дом Рин 16/2 поправил очки — старомодные, с толстыми стёклами, без всякой оптической нужды, просто чтобы за ними прятаться. — Физика не может быть ересью. Она либо верна, либо нет.

— Орден Криосоздателей так не считает.

Связной положил на стол кристалл-накопитель. Обычный, серый, ничем не примечательный. В таких хранят отчёты о расходе пайков.

— Они говорят, эти знания — не для дворфов. Что человек, открывший это, Зельдович, понял слишком много. И замолчал, потому что испугался.

Дом Рин 16/2 взял кристалл так, будто тот мог укусить. Пальцы дрожали.

— Я просто изучаю теорию, — сказал он, и голос его дрогнул. — Я не собираюсь ничего строить. Мне нужно... мне нужно понять.

Связной усмехнулся. Беззлобно. Устало.

— Все вы так говорите, — сказал он и исчез за дверью, не попрощавшись.

«Всё вы так говорите.»

Дом Рин 16/2 затолкал воспоминание в подкорку и вернулся к цифрам. К цифрам было проще. Цифры не смотрели на него, не задавали вопросов, не требовали ответов.

Пенроуз. Зельдович. Суперрадиантное рассеяние.

Теория была красивой. До слёз красивой. Если вращающаяся чёрная дыра — не просто гравитационный колодец, а гигантский маховик, запасший колоссальную энергию. Если направить в её эргосферу электромагнитную волну под правильным углом — волна начнёт «воровать» энергию вращения. Экспоненциально усиливаться. Забрать у дыры то, что она копила миллиарды лет.

КПД больше ста процентов.

Дом Рин 16/2 вывел на экран схему реактора. Простую. Элегантную. Лазерный луч входит в эргосферу, закручивается пространством, усиливается — и выходит с мощностью, достаточной, чтобы питать целый город. Или корабль. Или флот.

— Реактор Зельдовича, — прошептал он. Имя прозвучало как молитва.

Но что-то мешало.

Он наткнулся на это на третьей сотне страниц расчётов, в разделе «Магнитное удержание». Красивый, стройный текст теории упирался в стену практики — глухую, монолитную,

непроницаемую.

Для создания и удержания микроскопической чёрной дыры требуются магнитные поля напряжённостью 25–30 Тл.

Материал: оксид иттрий-бария-меди.

Текущий технологический уровень Империи: 12 Тл (прототипы).

Дом Рин 16/2 читал эти строки, и внутри него, где-то между желудком и диафрагмой, разрасталось холодное, липкое, знакомое чувство.

Страх.

Не перед смертью. Не перед наказанием. Перед невозможностью.

Он знал, чем закончится этот запрос. Он представил, как его начальник — грузный, с красными прожилками на носу, пахнущий дешёвым элем — читает заявку на магниты такого уровня. Как его брови ползут вверх. Как он начинает смеяться — негромко, с хрипотцой.

— Ты рехнулся, Саенс? Эти магниты стоят как десять твоих лабораторий. Ты хоть представляешь, сколько энергии нужно, чтобы создать поле в 25 тесла? Это же... это бред. Спустишь на землю.

Дом Рин 16/2 представил и то, как промолчит в ответ. Как примет выговор. Вернётся в кабинет. Закроет дверь. Сядет за стол — и продолжит считать. Потому что это единственное, что он умеет. Единственное, за что его держат.

Он — функция. Он перерабатывает знания в отчёты. А

отчёты ложатся в архив. И больше никогда не используются.

В углу кабинета стоял репродуктор «Ока». Чёрная полусфера на потолке, с едва заметным мерцанием линзы. Дом Рин 16/2 знал, что она смотрит. Знал, что каждое его движение, каждое слово, каждый вздох записываются, анализируются, оцениваются.

«Лоялен ли? Продуктивен ли? Мыслит ли в нужном направлении?»

Он научился не поднимать голову, когда проходил под репродуктором. Научился держать лицо нейтральным, когда говорил вслух. Научился улыбаться так, чтобы улыбка не касалась глаз.

«Всё хорошо. Я — винтик. Я — функция. Я делаю свою работу.»

Он снова уставился на цифры. Пальцы побелели на краю стола.

— Мне нужны эти магниты, — сказал он вслух, и голос его предательски дрогнул. — Я не смогу продвинуться дальше без них. Это — ключ.

Тишина. Только гул гравитационных якорей, пронизывающий стены.

— Я никогда не получу их, — выдохнул он.

«Тогда зачем ты работаешь?»

Он не знал. Может быть, потому что остановиться — значит признать поражение. А признать поражение — значит увидеть пустоту, которую он заполнял работой.

Он жил в клетке из цифр, где всё было предсказуемо. Где $E=mc^2$ никогда не врала. Где законы термодинамики не нарушались.

И только за стенами этой клетки — там, где жили люди, начальники, связные «Книжных воров», «Око», Империя — только там царил хаос, которого он боялся до дрожи в коленях.

Он был трусом.

Дом Рин 16/2 сжал кристалл-накопитель в кулаке. Края впились в ладонь — боль отрезвила.

— Я всё равно сделаю это, — прошептал он. — Даже если магниты никогда не дадут. Даже если расчёты лягут в архив. Я сделаю это. Потому что... потому что это единственное, что имеет смысл.

Он поднял глаза на репродуктор «Ока». Взглянул прямо в линзу — впервые за много месяцев.

— Вы слышите? — спросил он у пустоты. У Империи. У бога, который не отвечает. — Я сделаю это. И однажды кто-то придёт и построит то, что я придумал. И вы не сможете его остановить.

Линза «Ока» не дрогнула. Но Дому почудилось — или он сошёл с ума? — что в её блеске мелькнуло нечто похожее на интерес.

И мир схлопнулся.

Дом Саенс открыл глаза.

Вокруг был не кабинет. Вокруг была пустота — не тьма,

не свет, а именно пустота. Серая, вязкая, без верха и низа. Он стоял — или, точнее, чувствовал, что стоит — на поверхности, которой не было.

И перед ним стоял он.

Дом Рин 16/2.

Выше. Плечи шире. Но сгорблен — так, будто на них лежит невидимый груз. Глаза — те самые, с голограммы. Затравленные. Бегающие. И руки — руки дрожат, хотя он сжимает их в кулаки.

— Ты, — сказал Дом Рин 16/2. Голос его звучал странно — как сквозь толщу воды. — Ты — это... я?

— Нет, — ответил Дом Саенс. Спокойно. Ровно. Без тени эмоции. — Я — не ты.

— Как... как это возможно? — Дом Рин 16/2 шагнул вперёд, и в его глазах мелькнула надежда. — Ты — моё будущее? Я проснулся? Проект удался? Я — гений?

— Возможно. — Дом Саенс склонил голову, разглядывая своё отражение. — Но я не знаю. Я не помню.

— Как не помнишь?

— Амнезия. — Дом Саенс произнёс это слово так, будто говорил о погоде. — Я не помню тебя. Не помню твою работу. Не помню твой страх.

— Страх?

Дом Рин 16/2 дёрнулся, и в этом движении мелькнуло что-то знакомое — та самая нервная дрожь, с которой он сидел за столом.

— Я не боюсь, — сказал он. — Я — осторожен.

— Нет, — отрезал Дом Саенс. — Ты боишься. Я читал твои дневники. Ты боялся «Ока», боялся начальника, боялся коллег, боялся ошибки, боялся собственного открытия. — Он шагнул ближе. — Ты боялся жить.

Дом Рин 16/2 попятился.

— Ты врёшь. Ты не можешь знать, что я чувствовал. Ты — не я.

— Я — твоё продолжение. — Дом Саенс остановился. — И я пришёл забрать то, что ты прятал.

— Эти расчёты. Теорию. Те магниты, которые ты так и не решился попросить.

Глаза Дома Рин 16/2 расширились.

— Нет. Ты не можешь. Они — мои. Я их выстрадал. Я ночами сидел, я... я боялся каждого шороха, каждого скрипа двери, каждого взгляда «Ока» — я боялся, что меня остановят, арестуют, отправят на перековку... но я продолжал. Я не бросил. Я работал. Я не спал. Я...

— Ты боялся. — Дом Саенс встал прямо напротив. — Ты боялся так сильно, что лёг в крию. Ты предпочёл заморозить себя на сто шестьдесят восемь лет, чем завершить начатое.

Дом Рин 16/2 открыл рот, но не издал ни звука.

— Ты сбежал, — закончил Дом Саенс. — И теперь я здесь. И я не боюсь.

Воздух — или то, что здесь было воздухом — сгустился.

Дом Рин 16/2 изменился. Его плечи расправились, глаза

перестали бегать. Страх в них не исчез — но к нему пришло нечто другое. Злость.

— Думаешь, ты лучше меня? — прошипел он. — Думаешь, без страха ты — гений? Ты — пустота. Ты — копия без оригинала. Ты даже не знаешь, зачем тебе нужны эти знания.

— Зато ты знаешь, — парировал Дом Саенс. — И боишься их отдать.

— Я не отдам.

— Ты не сможешь меня остановить.

Дом Рин 16/2 шагнул вперёд — и пространство дрогнуло. Вокруг них начали проступать очертания: стены из цифр, пол из формул, потолок из тысяч уравнений, написанных дрожащим почерком.

— Это моя память, — прошептал Дом Рин 16/2. — Мой разум. Моя территория. Здесь я — бог.

— Ты — трус, — сказал Дом Саенс. — Даже в своем собственном разуме ты боишься.

Они столкнулись.

Это не был бой в привычном смысле — не было ударов, не было крови. Это было сплетение воли. Дом Саенс чувствовал, как сознание прежнего — боящегося — Дома обволакивает его, пытается вытолкнуть, запечатать, стереть.

Уходи. Это моё. Мои страдания. Мои ночи. Мои слёзы в подушку. Моя работа. Ты не имеешь права.

Дом Саенс не сопротивлялся в привычном смысле. Он просто стоял.

— Я не уйду, — сказал он. — Я — тоже ты. Я — то, что ты закопал. То, что ты предал, когда лёг в крио. Я — твой незаконченный труд.

Ты убьёшь меня!

Я не убиваю. Я забираю. И это — не смерть.

— Ты станешь частью меня.

Дом Рин 16/2 закричал.

Крик был беззвучным — он разнёсся по всему пространству памяти, сотрясая стены из уравнений, обрушивая потолок из формул. Цифры сыпались дождём. Графики плавись. Теории рассыпались в пыль.

Дом Саенс шагнул сквозь этот хаос, и каждая частица знаний — каждая выстраданная формула, каждый выстраданный страх — входила в него. Не больно. Холодно. Чётко.

Пенроуз. Зельдович. Суперрадиантное рассеяние. Эргосфера. Реактор. Магниты.

25–30 Тл.

Оксид иттрий-бария-меди.

Дом Саенс чувствовал, как тело наполняется знанием — тяжёлым, как ртуть. Как в голову вплавляются формулы, схемы, расчёты. Как становится ясным то, что прежний Дом искал — и не нашёл.

Преграда была не в теории. Преграда была в страхе.

Тот, кто боялся, никогда не рискнул бы построить реактор. Он закопал бы открытие так глубоко, чтобы его не нашёл даже он сам.

Но я — не он.

Он открыл глаза.

Вокруг всё ещё была пустота — но теперь она не казалась враждебной. Она была чистой. Свободной.

Перед ним, на коленях, стоял Дом Рин 16/2. Он плакал — беззвучно, горько, как ребёнок. Его плечи тряслись. Из глаз текли слёзы — солёные, настоящие, такие, каких Дом Саенс не мог вспомнить даже у себя в прошлом.

— Ты... забрал всё, — прошептал Дом Рин 16/2. — Мою работу. Мою жизнь. Моё...

— Твой страх я оставил тебе, — сказал Дом Саенс. И в голосе его не было ни жалости, ни торжества. Только констатация.

— Мне не нужен страх.

— Он — твой. Ты его заслужил.

Дом Саенс повернулся и пошёл прочь — сквозь пустоту, сквозь память, сквозь границу между сном и явью.

Сзади, затихая, звучал плач дворфа, который больше никогда не станет им.

Первое, что он почувствовал, вернувшись в тело, — холод кольца нейроинтерфейса на висках.

Второе — голос доктора Шам Гора.

— Дом? Дом, вы меня слышите? Дом, вы вернулись?

Дом Саенс открыл глаза.

Потолок кабинета. Голоэкран, выводящий ровные зелёные линии энцефалограммы. Лицо Шам Гора — взволно-

ванное, блестящее от пота.

— Вы... — Гор загнулся. — Вы пробыли в сеансе всего две минуты. Но ваша активность... Я видел такое только у пациентов во время эпилептического припадка. Ваш гиппокамп горел, как звезда.

Дом Саенс сел. Кольцо соскользнуло с головы, и он поймал его на лету — машинально, не глядя.

— Я знаю, — сказал он. — Я знаю, зачем мне нужны магниты.

— Что? — Гор заморгал.

— Не для рельсотронов. — Дом Саенс встал. Ноги держали крепко. Голова — ясно. Внутри — ни тени страха. Только холодная, чистая, железная логика. — Для реактора. Для удержания сингулярности.

— Дом, о чём вы говорите?

Дом Саенс посмотрел на доктора — и впервые за долгое время увидел не собеседника, а элемент системы. Врача. Функцию. Винтик, который подкручивает другие винтики.

— Я говорю о том, что Империя боится даже произнести вслух, — ответил он. — О технологии, которая изменит всё.

Он направился к двери.

— Дом! — окликнул его Гор. — Сеанс ещё не закончен! У нас есть протоколы, нам нужно...

— Протоколы подождут.

Дом Саенс остановился у порога. Обернулся. Взгляд его был пуст — но в этой пустоте угадывалось нечто, от чего

доктору Шам Гору стало не по себе.

— Я вспомнил, доктор. И теперь я знаю, что делать.

Дверь открылась. В коридоре пахло озоном и перегретым металлом.

Где-то далеко, глубоко под городом, пульсировали гравитационные якоря. Они бились в такт — не с сердцем города, а с сердцем того, что Дом Саенс теперь нёс внутри себя.

Пенроуз. Зельдович. Чёрная дыра.

И магниты, которые изменяют всё.

—

Лаборатория «Прозрения» располагалась глубоко под поверхностью купола — четыре этажа вниз, сквозь бетонные перекрытия, армированные углеродным волокном. Дом спускался по винтовой лестнице, и с каждым шагом вибрация гравитационных якорей становилась глубже, утробнее, будто он погружался в чрево гигантского зверя.

Запахи: озон, жидкий гелий, перегретая медь. И поверх всего — холод. Не температура, а ощущение. Лаборатория дышала холодом. Криогенщики любили шутить, что «Прозрение» греет Сатурн, а научный комплекс остывает до температур, при которых сверхпроводимость становится реальностью.

— 1.9 Кельвина, — пробормотал Дом вслух, и слово отозвалось эхом в лестничном пролёте. — Тысяча девятьсот тридцать два магнита, сто двадцать три из них — диполи, пятнадцать метров каждый, тридцать пять тонн. Ниобий-ти-

тан. Двенадцать целых семь десятых тесла.

Он не помнил, откуда знал это. Но знал. И знание лежало в голове с чёткостью гравированной таблички.

«Никуда не делась гениальность. Никуда»

—

Центр управления лаборатории был спроектирован как четыре острова — четыре круговых пульта, каждый — отдельная вселенная в мире физики высоких энергий.

Первый остров — Коллайдер. Главный пульт управления кольцом ускорителя. Здесь сидели операторы пучков, те, кто отвечал за то, чтобы протоны — или тяжёлые ионы — бежали по двадцатисемкилометровому кольцу с точностью до нанометра. На стенах — шестнадцать экранов, сорок шесть дюймов каждый, выводящих графики, фазы, температуры, давления.

Второй остров — Инжекция. Цепочка питающих ускорителей: от линейного до промежуточных синхротронов. Без них коллайдер мёртв. Операторы следили за тем, чтобы пучки впрыскивались вовремя, с нужной энергией, с нужной фазой.

Третий остров — Криогеника и Техническая инфраструктура. Самый тихий угол. Здесь не было суеты. Только датчики, клапаны, давление гелия, температура сверхпроводящих магнитов. Ошибка здесь стоила миллиардов.

Четвёртый остров — Данные и Теория. Остров аналитиков. Тех, кто сидит в креслах и смотрит на цифры, рождаю-

щиеся из столкновений. Кто ищет аномалии. Кто видит то, чего не видят машины.

Четыре острова. Четыре круга. В центре — овальный стол для совещаний. Место, где операторы собираются, чтобы спорить, пить эль и решать судьбу экспериментов.

Дом остановился на пороге. Свет был приглушённым — экраны давали больше синевы, чем лампы. Операторы сидели за пультами, не оборачиваясь. Один из них, молодой дворф с нашивкой дежурного, помешивал кружку с элем, глядя на график тока в сверхпроводящих катушках.

Всё было как обычно. Очередной цикл. Ручная работа на 12 тесла. Ничего нового.

Дом шагнул в центр зала. Его шаги не заглушал ковролин — здесь, в сердце Имперской науки, пол был голый, металлический. Чтобы каждый шаг звучал.

— Сарк.

Дворф у третьего острова поднял голову. Медленно. Будто не хотел верить ушам.

Сарк Рин 13/2.

Он вышел из тени пульта, и Дом увидел его целиком. Старый. Не просто старый — выцветший. Седина в волосах была не благородной, а грязной — пепельной, безжизненной. Морщины вокруг глаз — не от улыбок, а от вечно прищуренного взгляда. Сарк смотрел на мир так, будто ждал подвоха. «198 лет. Через два будет двести»

Дом смотрел на него и чувствовал... этот человек ничего

не значит.

Где-то в глубине памяти — той, что всплыла из флешбека — мелькнуло лицо. Молодое. Острое. Сарк в двадцать лет. Сарк в академии. Они сидели за одной партой. Считали одни задачи. Спорили до хрипоты.

«В нормальном обществе мы стали бы друзьями»

Но это было не нормальное общество.

Сарк подошёл ближе. Его пальцы — узловатые, с выступающими суставами — нервно теребили край комбинезона. Глаза — тёмные, глубоко посаженные — смотрели на Дома с выражением, которого Дом не мог прочесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.